

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

УЛИЦЫ НАШЕГО ГОРОДА

Горбатые как верблюды, —
Непредсказуемые как женщины, —
Спутанные как волосы на ветру, —
Древние как все религии мира, —
Вытертые как паласы,
которые моют в июльских дворах
смуглые, горластые Шахерезады
с рыжими от хны пятками, —
Сочетающие в себе
 как перекидной календарь,
сразу все четыре времени года:
вот вдоль тротуара
 осатаневшей иномаркой
несется февральский норд,
а за углом зацветает айва, —
Круто сворачивающие на перекрестках
с Европы в Азию и с Азии в Европу, —
(И пьет из лужи третьего тысячелетия
ишак, пропавший со двора
средневекового караван-сарая...)
Заасфальтированные волны...
Половина из них — тезки политиков,
а половина — поэтов:
улицы, как и дети, не выбирают себе имен.

И все мы, все мы ходим по ним,
как в музее под открытым небом,
где развешаны полустертые указатели:
«Мой первый двор»,
 «Мой первый поцелуй»...
Выложены брусчаткою из сердец
Улицы нашего города.

* * *

...Есть странный час
 на перекрестке ночи
И дня,
 есть потаенный переулок
Во Времени — свернув в него однажды,
Ты забываешь год, число, эпоху

И имена друзей.

Названия улиц и месяцев...

Свернув в него однажды,
Ты понимаешь, что попал в кино,
В котором звук пропал среди сеанса.
Кругом лежит беззвучный Старый Город,
Там, где дома касаются плечами
Друг друга...

Шелестит листва немая,
Беззвучно мяч стучит об известь стен,
Коньки грохочут по камням беззвучным,
Беззвучные беседуют соседи...
Пластинка кружится, дрожит игла,
Но с губ ее ни звука не слетает.

Вот женщина седая стул выносит,
Садится возле своего подъезда
И поправляет сползший с плеч жакет.
(Через мгновенье включают в мире свет
И озарятся стрелчатые окна.)

И нас с тобою поглотит парадное...
И ты очнешься в темном влажном чреве
Его, и над твоею головой
Как позвоночник — лифтовая шахта
Возносится, дрожа от напряженья,
Куда-то вверх, под купол мирозданья,
К аорте Дома...

И виртуальный ветер,
Бушующий в галактиках,
влетев,
Разбитой форточки в квадратный рот,
Вздымает ребра лестниц как дыханье...

О, сколько же вокруг нас параллельных
Миров, сознаний, аур и т.п.,
Упрятанных друг в друга как матрёшки!..
(До сердцевины этого расклада
Пока еще никто не доходил.)
И, как и подобает человеку,
Я знаю лишь,

что ничего не знаю

О мире,
но одно я знаю точно:
Все это я —

фасады и листва,
И дети эти, и ларьки, и кошки,
Разлегшиеся с видом королевским
В подножье мусорок...

И темь подъезда,
И женщина в продавленном сезлонге,
Глядящая вдоль улицы пустой —
Последние две тыщи лет, примерно,
Никто, никто не проходил по этим

Камням...
(Воспоминания не в счет).

И я — стена, и на моих щеках
Нарезана вот эта вязь тугая
На мертвом языке,
 и южный ветер
На мне вздувает виноград сухой
Как волосы на лбу...

НЕВОЗМОЖНЫЕ СТИХИ

...И ветер
Опять роняет на песок планеты
Корявых сосен ржавые иголки.
Я стану жить на свете долго-долго
И в девяносто (или даже в сто)
Свои я вновь влюблю в себя кого-то,
Прельстив его
своим жемчужным горлом,
И розой щек, и бирюзою глаз,
Свирелью голоса, волной походки...
Мы будем танцевать танго и хоту
На битых звездах, средь пахучих трав,
Все циркуляры времени поправ,
Все этикетки всех дворов нарушив...
...Но что за ветер отдувает душу
От тела, словно шарф?..
 На волоске
Уже она. Космический ноябрь
Бесчинствует кругом.
 Любовь моя,
Мы тоже — лишь иголки на песке
Вот этого заброшенного сквера.
Зачем же снова жжет свечу и верует,
Дрожит серьгами и смущает тело
Душа,
 зависшая на волоске?..